

Прости им, Боже

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
1922 ГОДА НАД ДУХОВЕНСТВОМ В ПЕТРОГРАДСКОЙ ЕПАРХИИ

Кампания изъятия церковных ценностей в Петрограде имела свои важные особенности, ведь именно здесь в 1922 году прошел самый массовый судебный процесс над православным духовенством. О телеграмме, в которой большевики просили разрешить расстреливать священнослужителей, о том, как вскрытие мощей святого князя Александра Невского стало поводом для возбуждения уголовного дела, и других событиях 1922 года в Петроградской епархии «Журналу Московской Патриархии» рассказал главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга профессор Санкт-Петербургской духовной академии **Михаил Шкаровский**.

Кардинальное решение

Несмотря на гонения, из гражданской войны Церковь вышла в основе своей несокрушенной. Но уже вскоре после окончания боевых действий стали разрабатываться планы кардинального «решения» проблемы существования религиозных организаций в Советской России. Власти воспринимали их как оппозиционную враждебную силу, к тому же располагавшую значительными материальными ценностями, которые решено было изъять. Поводом для наступления на Церковь стал страшный голод в Поволжье. В своем печально известном письме В. М. Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 года В. И. Ленин писал: «...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... <...> Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыполнимо»¹.

На нужды голодающих предполагалось выделить ничтожную часть конфискованных богатств Церкви. Постепенно появились и планы подтолкнуть верующих к расколу, создать более покорную церковную организацию. Уже 21 марта в докладной записке ГПУ (Государственного политического управления) в Политбюро откровенно предлагалось путем грубого насильственного вмешательства во внутрицерковную жизнь произвести своеобразный «переворот»².

После первых сообщений о голоде в Поволжье еще в августе 1921 года в Петрограде был создан епархиальный комитет для оказания помощи голодающим, однако власти быстро запретили его деятельность, а собранные средства реквизировали. Несмотря на это, декрет ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) от 23 февраля 1922 года о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов,

«изъятие коих не может существенным образом затронуть интересы самого культа»³, имевший антицерковную направленность, стал полной неожиданностью для духовенства.

В ответном послании Патриарха Тихона от 28 февраля насильственное изъятие «священных предметов» называлось святотатством, но при этом общины призывались к милосердию и щедрости в сборе других средств. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) первоначально также призывал верующих отдавать собственные ценности, чтобы не разорять храмы. После появления послания Патриарха, стараясь прямо не переступить воли Предстоятеля, митрополит все же стал проводить более компромиссную политику. Выдвинув определенные условия, он пошел на переговоры с городским руководством, в результате которых 5 марта было заключено соглашение о добровольной передаче ценностей верующими. Однако оно так и не было реализовано, поскольку не отвечало интересам государственной церковной политики в тот период.

Митрополит Вениамин выражал сомнение, что все пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим.

Под воздействием центра был заменен состав Петроградской комиссии помощи голодающим (Петропомгола). Городские газеты немедленно начали кампанию против «князей церкви». Посланцам митрополита Вениамина, явившимся, как было условлено, уточнить детали соглашения, было объявлено, что ни о каких «пожертвованиях», ни о каком участии представителей верующих в органах контроля не может быть и речи, церковные ценности будут изъяты в одностороннем порядке.

В ответ владыка написал 12 марта достаточно острое заявление в губернский исполнительный комитет (губисполком). В нем выражалось сомнение, что все пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим, говорилось о крайности этой меры и обязательности благословения Патриарха на нее, а также о необходимости относительной самостоятельности Церкви в данном вопросе⁴.

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин и петроградское духовенство на судебном процессе. Июнь 1922 г. (слева)

Вопрос осложнился

Мужественное заявление митрополита вызвало гнев городских властей. Четырнадцатого марта большой президиум губисполкома постановил: «Обязать комиссию по изъятию церковных ценностей не позже, чем в недельный срок, приступить к изъятию». Ответственным руководителем «операции» был назначен бывший председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии, сторонник жесткой линии И. Бакаев⁵. Положение обострилось инцидентом 15 марта у Казанского собора, где с ведома митрополита при большом стечении народа были оглашены известия о шуйской трагедии и послание Патриарха с предостережением от повторения подобного. Однако тысячи прихожан открыто возмущались произволом властей. На следующий день на Сенной площади произошли столкновения членов комиссии по изъятию церковных ценностей с враждебно настроенными верующими. Значительные группы прихожан отличались гораздо большей оппозиционностью, чем священнослужители.

В результате вечером 15 марта в Москву полетела страшная телеграмма с просьбой санкционировать применение расстрелов:

Казалось, еще немного, и в Петрограде прольется кровь. Однако в Политбюро считали, что подходящий момент для крайних действий еще не наступил. Шестнадцатого марта оно «пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки»⁷. А через четыре дня Политбюро приняло проект соответствующих директив, написанный Троцким, в котором, в частности, говорилось: «15. В Москве... к изъятию приступить не позже 31 марта. 16. Полагаю, что для Петрограда можно было бы установить тот же приблизительно срок по соглашению с т. Зиновьевым, ни в каком случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком»⁸.

Ситуация в Северной столице вновь изменилась к концу месяца, когда в газетах было опубликовано воззвание 12 наиболее лояльных по отношению к власти священников, явившееся первым шагом к церковному расколу. Резко отмежевавшись от части духовенства, авторы письма укоряли его в контрреволюционности, в политической игре на народном голоде. Но

«Реввоенсовет, тов. Троцкому... сообщая: вопрос изъятия церковных ценностей Петрограде последние дни осложнился. Достигнутое было соглашение духовенством предательски сорвано последний момент заявлением митрополита Вениамина, что он призвет верующих воспрепятствовать изъятию. Время, потраченное на переговоры, духовенство использовало для организации противодействия. Попытки Комиссии приступить к учету ценностей Казанском и Троицком соборах встретили организованное сопротивление прихожан, составляющих церкви протоколы не сдачи ценностей и недопущения Комиссии работе. Тов. Зиновьев ходом дела знаком и дважды созывал собрание Президиума Губисполкома этому вопросу. Последним заседании Президиума моим участием постановлено изъятие произвести не останавливаясь и перед репрессиями. Всем данным только посредством вооруженной силы удастся произвести изъятие. Прошу немедленно дать директиву — допустимо ли исполнение декрета указанным путем и как поступать дальнейшем... Уполномоченный по Петрограду и Северной области Приворотский»⁶.

даже в этом провокационном воззвании после призыва пойти на «всевозможные жертвы» ради спасения умирающих отмечалось, что, «в принципе, на это благословили нас и Патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи. Верующие охотно придут на помощь государству, если не будет насилия...»⁹ Несомненно, представители группы двенадцати встречались с руководителями губернского комитета партии, нашли в их лице всеобъемлющую поддержку и стали связующим звеном возобновления переговоров с митрополитом Вениамином. Конечно, городские власти не могли разрешить самостоятельную помощь Церкви голодающим, но в ходе переговоров все же вновь пошли на ряд уступок, хотя и менее существенных, чем в начале марта.

Шестого апреля в Смольном состоялось заседание Петропомгола с участием протоиереев, будущих лидеров «обновленчества», а тогда полномочных представителей митрополита священников Александра Введенского и Александра Боярского. На заседании была принята резолюция, содержащая многочисленные компромиссные пункты: «1. Допустить представителя верующих к участию в изъятии и учете церковных ценностей, упаковке их для отправки в Гохран для Центрального комитета помощи голодающим. 2. Считать необходимым установить гласную отчетность о движении ценностей. 3. Допустить представителей верующих к участию в делегациях, сопровождающих предметы довольствия голодных»¹⁰ и т. д. Правда, впоследствии, как оказалось, некоторые пункты резолюции власти так и не выполнили.

Вековой обман народных масс

Десятого апреля митрополит обратился к верующим с воззванием «К петроградской православной пастве», опубликованным в печати¹¹. Воззвание было согласовано митрополитом Вениамином с Патриархом, который направил аналогичное послание председателю Всероссийского центрального исполнительного комитета М. И. Калинину, но оно так и не было опубликовано.

Петроградский митрополит сделал все возможное, чтобы предотвратить столкновения при изъятии ценностей. И в городе не произошло таких кровавых событий, как, например,

в Шуе или Смоленске. За два месяца зафиксировано в общей сложности 13 инцидентов, причем только один случай был по-настоящему серьезным — начальнику районного отделения милиции выбили 18 зубов. Инициаторами столкновений, как правило, являлись не священники, а прихожане, как, например, в Путиловской церкви и Иоанновском монастыре¹².

В официальном донесении начальника петроградской милиции также констатировалось блестящее проведение кампании (документ появился на свет до возбуждения дела в отношении митрополита). Во многих районах страны исполнение декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета прошло далеко не так безболезненно, как в Петрограде. В целом в России имели место более тысячи кровавых эксцессов, в основном спровоцированных насильственными действиями комиссий по изъятию. Этим воспользовались власти в качестве предлога для разгрома руководства Церкви, без чего провести «церковную революцию» было невозможно. Особенно широкая кампания антицерковной пропаганды и террора развернулась с конца апреля. К этому времени относятся первые, пока еще немногочисленные, аресты в Петрограде.

Для подрыва авторитета Церкви на заседании президиума исполкома Петросовета 8 мая 1922 года было принято решение произвести вскрытие мощей святого князя Александра Невского¹³. В обстановке разворачивающегося террора митрополит уже не смог

Патриарх Тихон и митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин. 1918 г. Снимок сделан в митрополичьих покоях Александроневской лавры во время посещения Петрограда Патриархом

*Вскрытие раки
Александра
Невского по
постановлению
Петроградского
совета
12 мая 1922 г.
Фото Карла Буллы*

воспрепятствовать этому. Гробницу вскрыли. Обнародовали резолюцию экспертов: мощи сохранились в виде костей. Духовенство, впрочем, этого не скрывало. И хотя петроградскому руководству заранее хорошо было известно состояние священных останков князя, это не помешало большевикам возбудить уголовное дело на основании «признаков преступного деяния, выразившегося в вековом обмане народных масс».

Следствием кампании стала гибель многих ценных произведений искусства. Так, серебряный саркофаг святого князя по частям перевезли на грузовиках в Эрмитаж. Сами мощи духовенству во главе с митрополитом Вениамином тогда все же удалось отстоять — ящичек с ними после осмотра снова запечатали и, вопреки циркуляру Народного комиссариата юстиции, поместили на хранение в алтаре собора Алек-

сандро-Невской лавры. Бесследно исчез — вероятно, превращенный в лом — внутренний серебряный саркофаг.

В Казанском соборе в ходе кампании по изъятию церковных ценностей разобрали и отправили на переплавку уникальный серебряный иконостас, изготовленный в 1830-х годах по проекту архитектора К. А. Тона из русского церковного серебра, отбитого донскими казаками у отступавшей французской армии в 1812 году. Пытаясь спасти реликвию, представители петроградской интеллигенции обратились к председателю ВЦИК М. И. Калинину. Тринадцатого мая 1922 года всесоюзный староста, поддержав культурную общественность, отправил председателю Петрогубисполкома телеграмму с требованием передать скульптурные части иконостаса Казанского собора в Эрмитаж, но послание не было принято во вни-

мание. По требованию И. Бакаева серебряный иконостас в тот же день оказался полностью разобран¹⁴, вывезен и в дальнейшем переплавлен на советские серебряные монеты. Благодаря настоятелю собора протоиерею Николаю Чукову (будущему митрополиту Григорию) чудотворная Казанская икона была оставлена в храме, но драгоценный золотой оклад образа оказался утрачен.

В ходе всей кампании в Петрограде, несмотря на сопротивление прихожан ряда храмов, было изъято более 18 тонн серебра и 65 килограммов золота, из которых на нужды голодающих пошла только меньшая часть. Подводя итоги кампании по изъятию церковных ценностей в целом, следует отметить, что надежды руководителей РКП(б) (Российской коммунистической партии большевиков) на легкое обогащение не оправдались. Все расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В. И. Ленин, оказались мифом¹⁵.

Смута

Но если первая цель антицерковной кампании в значительной степени достигнута не была, то вторая первоначально увенчалась большим успехом. Двенадцатого мая, в день вскрытия останков святого Александра Невского, началась «революция» в Церкви, породившая ее раскол, смуту среди духовенства и верующих. По свидетельству «отца» обновленчества А. Введенского, к этим событиям были непосредственно причастны председатель Петроградского совета народных депутатов Г. Е. Зиновьев и уполномоченный Государственного политического управления по делам религий Е. А. Тучков.

Одним из последствий кампании по изъятию церковных ценностей стало формирование петроградской группы так называемого прогрессивного духовенства. Именно она была организационным центром созданного при активной поддержке советской власти обновленческого раскола. Восьмого мая представители этой группы (А. Введенский, В. Красницкий, Е. Белков, С. Стадник) приехали в Москву и четыре дня вели интенсивные переговоры с ГПУ. Двенадцатого мая они были пропущены к содержавшемуся под домашним арестом Па-

триарху Тихону. Не имея возможности ввиду ареста исполнять свои обязанности, Патриарх передал их одному из старейших иерархов и официально сообщил об этом в письме на имя Председателя ВЦИК М. И. Калинина: «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно до созыва Собора во главе церковного управления или Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского), или Петроградского Вениамина (Казанского)»¹⁶.

Уже 19 мая началось функционирование обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Но еще оставались влиятельные представители духовенства, мешавшие переходу власти к обновленцам, и прежде всего сохранивший верность Патриарху, даже отстраненному от управления, Петроградский митрополит. В расчете склонить его на свою сторону члены ВЦУ решили вступить с ним в переговоры. В Петроград отправился Введенский. Однако митрополит Вениамин, фактически являвшийся после отстранения от управления владыки Агафангела носителем верховной церковной власти, твердо заявил ему: «Нет! На это я не пойду!»¹⁷

Надежды большевиков на легкое обогащение не оправдались. Все расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В. И. Ленин, оказались мифом.

Митрополит Вениамин также отказался признать удостоверение Введенского о том, что он является полномочным членом Высшего Церковного Управления, ввиду отсутствия на документе подписи Патриарха. Двадцать восьмого мая митрополит Вениамин отлучил от Церкви петроградских священников А. Введенского, В. Красницкого и Е. Белкова, которые «без воли своего митрополита, отправившись в Москву, приняли там на себя высшее управление церковью»¹⁸.

В ответ ВЦУ уволило архиерея с его поста и обвинило его в желании «продолжать и впредь вовлечение церкви в политическую

контрреволюционную борьбу»¹⁹. Затем была предпринята попытка еще раз путем угроз и компромиссов склонить митрополита к сотрудничеству с обновленцами. Дело в том, что влияние владыки Вениамина на верующих было велико. Его последнее послание произвело на паству огромное впечатление, сразу же подорвав авторитет обновленцев и угрожая в зародыше раздавить новую «революционную церковь». Вот почему Введенский в сопровождении ответственного за «церковные дела» в губернском комитете Российской коммунистической партии большевиков И. Бакаева явился к митрополиту вновь.

Гости предъявили ультиматум: или архиерей официально отказывается от своего послания от 28 мая, или в отношении него и ряда священнослужителей будет возбуждено уголовное дело, а затем инициирован судебный процесс, в результате которого погибнут и Вениамин, и наиболее близкие ему лица. Митрополит ответил немедленным и категорическим отказом пойти на уступки обновленцам. Он ясно понимал, что теперь обречен, но не собирался сходить с избранного пути²⁰.

Дело митрополита Вениамина было сфабриковано из нескольких отдельных производств, возникших по поводу эпизодов, имевших место при изъятии ценностей в петроградских храмах в различное время.

На заседании бюро губернского комитета РКП(б) от 30 мая было решено: «Процесс о полах, противодействовавших изъятию церковных ценностей, начать 7–8/VI... В целях изоляции признать целесообразным арест Вениамина...»²¹ Владыка был арестован 31 мая. А на следующий день в Петроградский губернский отдел ГПУ пришла и срочная телеграмма из Москвы: «Митрополита Вениамина... привлечь к суду. Подобрать на него обвинительный материал. Арестовать его ближайших помощников — реакционеров и сотрудников канцелярии, произведя в последней тщательный обыск. Вениамин Высшим Церковным Управлением отрешается от сана

и должности. О результатах операции немедленно сообщите. 1 июня 1922 года. Начсоперупр ГПУ Менжинский»²². Так началась срочная подготовка массового судебного процесса над священнослужителями Петрограда.

Доказательств виновности нет

Митрополит Вениамин, другие священники и миряне обвинялись в том, «что первый, состоя главой Православной Церкви в Петроградской губернии, а последние — членами правления общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым... в целях возбуждения религиозного населения к волнениям, в явный ущерб диктатуры рабочего класса и пролетарской революции...»²³

Верующие пытались защитить митрополита Вениамина. В Петрограде состоялось несколько демонстраций протеста, но их разогнали силой²⁴. Дело митрополита Вениамина было сфабриковано из существовавших к тому времени нескольких отдельных производств, возникших по поводу самых разных эпизодов, имевших место при изъятии ценностей в петроградских храмах в различное время. При появлении надобности в организации процесса эти производства соединили в одно целое и все события, в них изложенные, объявили результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества» во главе с петроградским митрополитом. Десятого июня в помещении зала Государственной филармонии Петрограда начался судебный процесс.

Митрополита Вениамина допрашивали 12–13 июня. От него прежде всего неоднократно добивались указаний, кто в действительности был вдохновителем или редактором его заявлений и воззваний. Достаточно прозрачно подсудимому намекалось, что назови митрополит таких «редакторов» или даже только отрекись от содержания своих заявлений — и он будет спасен. Вероятно, организаторы процесса не стремились во что бы то ни стало убить его. Наоборот, вариант, когда советская власть «милостиво» пощадила раскаявшегося, приведенного к повиновению и морально развенчанного архиерея, был бы гораздо предпочтительнее и для самих большевиков, и для дела «Живой

Церкви». Но митрополит Вениамин твердо и неизменно отвечал: «Я один совершенно самостоятельно обдумал, написал и отправил свои заявления. Да, впрочем, я и не потерпел бы ничего вмешательства в решение таких вопросов, которые подлежали исключительно моему ведению как архипастыря»²⁵. После этого смертный приговор митрополиту был предreshен.

В своей речи его адвокат Я. С. Гурович отмечал: «Митрополит совсем не великолепный “князь церкви”, каким его усиленно желает изобразить обвинение. Он смиренный, простой, кроткий пастырь верующих душ, но именно в этой его простоте и скромности — его огромная моральная сила, его неотразимое обаяние. Пред нравственной красотой этой ясной души не могут не преклоняться даже его враги. Допрос его трибуналом у всех в памяти. Ни для кого не секрет, что, в сущности, в тяжелые часы этого допроса дальнейшая участь митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признать хоть немного из того, что так жаждало установить обвинение, и митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисовки он отказался от такого спасения. Многие ли из здесь присутствующих — я говорю, конечно, и о людях, на него нападающих, — способны на такой подвиг? Вы можете уничтожить митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков»²⁶.

Особенно сильно прозвучало заключительное выступление защитника: «Доказательств виновности нет, фактов нет, нет и обвинения... Что скажет история? Изъятие церковных ценностей в Петрограде прошло с полным спокойствием, но петроградское духовенство — на скамье подсудимых, и чьи-то руки подталкивают их к смерти. Основной принцип, подчеркиваемый вами, — польза советской власти. Но не забывайте, что на крови мучеников растет Церковь. Больше нечего сказать, но и трудно расстаться со словом. Пока длятся прения — подсудимые живы. Кончатся прения — кончится жизнь...»²⁷

В своем последнем слове все основные обвиняемые заявили, что перед рабоче-крестьянской властью они ни в чем не повинны. Митрополит Вениамин начал выступление словами: «Я верный сын своего народа. Я люблю

*Митрополит
Вениамин
(Казанский).
1918 г. Петроград*

и всегда любил его. Я жизнь ему свою отдал, и я счастлив, что народ — вернее, простой народ — платил мне тою же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я занимаю в Православной Церкви». Это было почти все, что владыка сказал о себе в последнем слове. Остальное время своей речи он посвятил исключительно защите других подсудимых. Одно из утверждений показалось ему недостаточно аргументированным, и митрополит заметил: «Думаю, что в этом отношении вы мне поверите без доказательств. Ведь я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в своей жизни; человеку же, находящемуся в таком положении, принято верить на слово». По свидетельству очевидцев, зал замер: «Всем была ясна огромная нравственная мощь этого человека, который в такую минуту, забывая о себе, думает только о несчастье других и стремится им помочь»²⁸.

Пятого июля трибунал вынес приговор: десять человек — к расстрелу, большую часть обвиняемых — к тюремному заключению, случайные подсудимые (22 человека) были оправданы. Затем шестерых из приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, а четверо (митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шеин) — секретарь Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, Юрий Новицкий — председатель правления Общества

Кенотаф митрополита Вениамина на Никольском кладбище Александро-Невской лавры

православных приходов и Иван Ковшаров — юристконсульт Александро-Невской лавры) были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа²⁹.

Сохранились свидетельства о последних минутах жизни приговоренных: «Новицкого угнетала мысль, что остается круглой сиротой его единственная 14-летняя дочь, и он плакал, просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы; Ковшаров издевался над палачами; отец Сергей громко повторял молитву «Прости им, Боже, не ведают ибо, что творят»; митрополит Вениамин тихо молился, крестясь...»³⁰ Официального сообщения о расстреле так и не появилось.

За несколько дней до расстрела митрополит Вениамин послал из тюрьмы письмо протоиерею Петру Ивановскому, которое можно рассматривать как завещание священномученика последующим церковным деятелям: «В детстве и отрочестве я зачи-

тывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением. Жалел своею душою, что времена не те и не приходится переживать, что они переживали. Времена переменились. Открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих.

Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек, избыточествуя утешением, не чувствует самых тяжелых страданий. Полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы приложить то состояние, в каком находится счастливый страдалец. Об этом я раньше говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплывание, обречение и требование этой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую самую черную неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п. Беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже самую Церковь.

Страдания достигали своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше иметь ее нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и т. п. и дать место благодати Божией»³¹.

Автокефальное управление

Несмотря на давление советских властей, преобладающая часть прихожан была настроена к обновленцам враждебно, верующие оказывали всяческую поддержку тем священникам и архиереям, которые не подчинились постановлениям обновленческого ВЦУ. Занимавшие такую позицию иерархи переходили на самостоятельное «автокефальное» управление. Так в Северной столице возникла первая форма массового сопротивления обновленчеству — Петроградская автокефалия³².

В центре развернувшейся борьбы оказался наместник Александро-Невской лавры епископ Петергофский Николай (Ярушевич); именно он вместе с другим викарием епархии епископом

Ямбургским Алексием (Симанским) — будущим Патриархом Алексием I — возглавил движение сопротивления в епархии. Петроградская автокефалия оформилась в августе 1922 года и просуществовала до марта 1923 года. Находясь в исключительно сложном положении, официально не признанный властями, травимый обновленцами, епископ Николай за короткий срок сумел создать мощную централизованную организацию. Совершая многочисленные богослужения в храмах, он произносил пламенные проповеди, призывая верующих постоять за «истинное Православие».

Вскоре число петроградских приходов, порвавших с обновленцами, достигло шестидесяти пяти. Борьба за автокефалию превратилась в широкое народное движение. Обновленческие архиереи уже не могли спокойно служить в большинстве городских храмов³³. Популярность епископа Николая все более росла, своим владыкой его стали признавать и некоторые приходы соседних епархий — Олонецкой и особенно Новгородской. Для «исправления» ситуации обновленцам пришлось прибегнуть к прямой поддержке государственных органов власти, и в марте 1923 года автокефалия была разгромлена ГПУ. Однако уже в июне этого года был освобожден Патриарх Тихон, и начался постепенный крах обновленческого раскола.

В целом значение Петроградской автокефалии было достаточно велико. Она стала центром борьбы с обновленчеством в стране в самый тяжелый для Русской Православной Церкви период отсутствия канонических органов высшего управления Церковью, воодушевила на сопротивление верующих и духовенство

в других епархиях. Кроме того, Петроградская автокефалия фактом своей полугодовой фактически легальной деятельности показала возможность существования в условиях советской действительности признаваемых органами государственной власти канонических церковных структур и в определенной степени подготовила тот путь, по которому в конце 1920-х годов пошло руководство Московского Патриархата.

Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога.

События 1922 года в Петроградской епархии всегда оставались в народной памяти и нашли широкое отражение в научно-популярной, художественной литературе, воспоминаниях и дневниках. Петербуржцы никогда не забывали митрополита Вениамина. Еще в советское время они установили деревянный крест с его именем на Никольском кладбище Александроневской лавры и приносили туда цветы, в день смерти приходили помолиться и поставить свечи за упокой его души. В начале 1990-х годов вместо первоначального креста здесь был установлен памятник-кенотаф, увенчанный терновым венцом. Четвертого апреля 1992 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил митрополита Вениамина, а также расстрелянных вместе с ним новомучеников к лику святых. Первый храм во имя священномученика Вениамина был построен и освящен под Санкт-Петербургом уже в сентябре 1992 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новые документы В. И. Ленина (1920–1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191, 193.

² Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63. Л. 29.

³ Красная газета. 1922. 23 февраля.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1. Д. 299. Л. 3–6.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1000. Оп. 81. Д. 6. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63. Л. 11.

⁸ Новые документы В. И. Ленина // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 195.

⁹ Красная газета. 1922. 25 марта.

¹⁰ Там же. 14 апреля.

¹¹ Там же.

¹² Петроградская правда. 1922. 22 апреля.

¹³ Два эпизода борьбы с Церковью в Петрограде / Публ. М. В. Шкаровского // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.: СПб., 1992. С. 568.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 108. Л. 48; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 247. Л. 346.

¹⁵ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63. Л. 76–77.

¹⁶ Русская Православная Церковь. 988–1988. Вып. 2: Очерки истории 1917–1988 гг. М., 1988. С. 24.

¹⁷ Валентинов А. А. Черная книга (Штурм небес). Париж, 1925. С. 210.

¹⁸ Петроградская правда. 1922. 30 мая.

¹⁹ Там же; Красная газета. 1922. 31 мая.

²⁰ Валентинов А. А. Указ. соч. С. 211–212.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 108. Л. 68.

²² Степанова И. Житие Петроградского митрополита // Вечерний Ленинград. 1990. 11 августа.

²³ Красная газета. 1922. 9 июня.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 169. Д. 1420. Л. 44; «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С. 23.

²⁵ Валентинов А. А. Указ. соч. С. 220.

²⁶ Там же. С. 229.

²⁷ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. I–II. М., 1990. С. 345.

²⁸ Валентинов А. А. Указ. соч. С. 235.

²⁹ Гольский М. Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949. С. 56.

³⁰ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). С. 8.

³¹ Коняев. Н. Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский. СПб., 1997. С. 162–163.

³² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 238. Л. 57–58.

³³ Соборный разум. 1922. № 1–2. С. 1; 1923. № 1–2. С. 7.